

Шилихина К. М. (Воронеж, Россия)

**КОМБИНАТОРНАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ  
НЕКОГЕРЕНТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

В данной статье обсуждаются различные как по форме, так и по семантике случаи нетривиального использования языка. Эти случаи можно рассматривать как своего рода уникальные события в речевой практике носителей языка. С точки зрения адресата отступления от языковой нормы или узуса могут выглядеть как нерациональные и некооперативные речевые действия, однако эта нерациональность, как правило, является информационно значимой: нарушая ожидания адресата, говорящий имплицитно подразумевает наличие дополнительных смыслов. Цель анализа – показать, как участники дискурса находят рациональное объяснение внешне нерациональным речевым действиям и каким образом нарушения смысловой целостности могут быть интегрированы в структуру дискурса.

Характерными примерами дискурса, основанного на намеренном нарушении смысловой целостности, являются юмор и ирония – режимы коммуникации в модусе *non bona fide*, понимание которых становится возможным благодаря привлечению дополнительной информации, в частности, знаний об окружающем мире и представлений о том, какой ход событий считается нормальным.

Для описания намеренных нарушений смысловой целостности в работе используется понятие *некогерентности*: высказывание или текст воспринимаются как некогерентные, если для установления смысловых связей между отдельными элементами дискурса требуются дополнительные когнитивные усилия. Для объяснения, каким образом происходит понимание неочевидных смыслов, используется «комбинаторная» модель, в которой процесс понимания представляется как «сборка» смысла из различных компонентов: собственно языковой формы высказывания, контекста коммуникации и имеющихся у участников дискурса знаний о мире.

**Ключевые слова:** дискурс, семантика, некогерентность, норма, узус, ирония, юмор

**KSENIYA M. SHILIKHINA (VORONEZH, RUSSIAN FEDERATION). COMBINATORIAL MODEL OF INCOHERENCE RESOLUTION.** The paper discusses various formal and semantic cases of non-trivial use of language. These cases can be described as unique events in everyday experience of language users. For the addressee deviations from language norms or flouting of usage conventions may appear irrational and non-cooperative. However, this irrationality is usually intended and meaningful. By violating the addressees' expectations the speakers imply additional implicit meanings. The aim of the paper is to demonstrate how discourse participants find rational explanations for the seemingly irrational or absurd utterances and how semantically incongruous utterances can still be integrated as meaningful into the general discourse structure.

Two varieties of the *non-bona fide mode* of discourse – humor and irony – are perfect examples of communication that is based on intended semantic incongruity. Understanding of these two types of the non-bona fide discourse is possible only if the addressee uses contextual information and her knowledge about what counts as the normal course of events.

The concept of *incoherence* is used to describe various intended semantic incongruities. An utterance or a text can be characterized as incoherent if additional cognitive effort is required to establish semantic connections between its components. A combinatorial model of comprehension is used to explain how language users understand non-obvious meanings. The process of understanding is viewed as assembling meaning from linguistic form of an utterance, contextual cues and knowledge about the world.

**Keywords:** discourse, semantics, incoherence, norm, usage, verbal irony, humor

### **1. Регулярное и уникальное в речевой деятельности**

В статье «Диалог на разных языках» Ю. М. Лотман писал: «Как имеющее смысл мы чаще всего воспринимаем то, что обладает повторяемостью или же резкой неповторимостью. Событие регулярное и событие уникальное могут восприниматься как имеющие значение, однако природа их значимости различна» (Лотман 2010: 40). Приведённое утверждение очень точно характеризует языковую деятельность: с одной стороны,

регулярно повторяющиеся, частотные явления закрепляются в грамматических системах, и это позволяет лингвистам-типологам утверждать: «Grammars provide the most economical coding mechanism (the highest ‘codability’) for those speech functions which speakers most often need to perform. More succinctly: grammars code best what speakers do most» (Du Bois 1985: 362-363)<sup>1</sup>. На идею мотивированности грамматики речевым опытом и имеющейся у носителей языка потребностью передавать определенные наборы значений опираются многие лингвисты, например, те, которые работают в рамках грамматики конструкций (Лингвистика конструкций 2010, Goldberg 2006)<sup>2</sup>.

Можно найти и другие примеры того, как влияет накопленный языковым сообществом опыт на речевую деятельность носителей языка. Менее жёсткими (по сравнению с грамматикой) вариантами закрепления функционально востребованных явлений можно считать критерии, определяющие жанровую принадлежность текста, стилистические каноны или конвенциональные способы оформления речевых актов. Важно, что все упомянутые явления – грамматика, стиль, жанр, речевой акт, – так или иначе связаны с имеющимися у носителей языка представлениями о том, что в языке и речи является обязательным, регулярным, ожидаемым. Таким образом, регулярность и повторяемость можно считать одним из важных свойств и языковой системы, и речевой деятельности.

Регулярности и повторяемости могут быть противопоставлены речевые действия, которые оцениваются носителями языка как отступление от языковой нормы или канонов узуса. Эти речевые действия также привлекают к себе внимание и воспринимаются как информационно значимые, если участникам дискурса удаётся рационально интерпретировать и интегрировать их в имеющуюся

---

<sup>1</sup> Грамматики предоставляют наиболее экономный механизм кодирования (с наибольшей степенью «кодируемости») для тех речевых функций, которые наиболее часто востребованы говорящими. Более кратко: грамматики лучше всего кодируют то, что говорящие делают чаще всего.

<sup>2</sup> Заметим, что далеко не все исследователи считают грамматическую систему «концентратом» нашего речевого опыта. Так, Ф. Ньюмейер настаивает на том, что грамматика – это гораздо более сложное явление, которое далеко не всегда определяется узусом (Newmeyer 2003).

систему знаний. В первую очередь речь идет о таких отступлениях, которые связаны с установлением новых связей между означающим и означаемым языковых знаков. С точки зрения семиотики, творческое употребление знаков возможно только в так называемых «нежестких» знаковых системах (к ним относится и естественный язык): возможность нарушений обеспечивается гибким, подвижным соотношением означающего и означаемого в языковых знаках. В семиотических системах жесткого типа (например, в формальных языках) нарушение правил соотнесения формы и значения знака делает невозможной осмысленную интерпретацию высказывания.

Отступления от регулярного и ожидаемого употребления языковых единиц можно рассматривать в трёх «проекциях»:

- а) с точки зрения свойств высказывания или текста,
- б) с точки зрения действий говорящего, направленных на то, чтобы акцентировать внимание адресата на нарушениях в смысловой структуре дискурса,
- в) с точки зрения адресата, основной задачей которого является рациональное объяснение нетривиального использования языка и интеграция семантически некогерентной информации в имеющуюся систему знаний и представлений.

Нетривиальное использование языка можно определить как сознательное нарушение говорящим языковых норм или отступление от узуального использования языковых единиц. В приведённом определении особую роль играет слово *сознательное*: цель отступления от норм или узуса – создание дополнительных смыслов. Очевидно, в интересующих нас случаях имеет место не столько изменение значения высказывания, сколько приращение смысла, связанное с ситуацией общения (о различиях между *значением* и *смыслом* см. Кобозева 2000).

Если для говорящего намеренное нарушение смысловой целостности высказывания – это способ передачи имплицитных смыслов, то для адресата процесс понимания некогерентных фрагментов дискурса связан в первую очередь с эмоциональной реакцией. Обнаружение «разрывов» в смысловой структуре дискурса, как правило, сопровождается специфическими эмоциями – недоумением и удивлением. По мнению М. Хёрли, Д. Деннетта и Р. Адамса, недоумение – это одна из основных эмоций, сопровождающих познавательные процессы: недоумение

позволяет обнаруживать конфликты в оперативной памяти и подвергать сомнению противоречащие убеждения. Для разрешения противоречия каждое из конфликтующих убеждений должно быть сразу же пересмотрено, а самому противоречию должно быть найдено рациональное объяснение (Hurley 2011). Ср. также мнение Н. Д. Арутюновой: «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» (Арутюнова 1987: 10). Таким образом, эмоция служит своего рода стимулом для поиска дополнительных смыслов через попытку «соединения несоединимого», как в следующем примере, в котором необычное употребление слова может, с одной стороны, оцениваться негативно, с другой стороны – получать некоторое рациональное объяснение:

*– Не понимаю, что у него хорошего. Вы читали его «Путешествие воробья»? Там у него написано: воробей ходит... Да, по-русски **так не говорят**. Воробей прыгает, летает, но уж никак не ходит. Но ведь это платоновский воробей, важная персона, слушающая музыку у памятника Пушкину, и ему, конечно, приличнее ходить, чем летать и прыгать. Отступление от нормы совершенно оправдано (НКРЯ).*

Приведенное рассуждение демонстрирует необходимость специального маркирования нетривиального использования языка, нарушающего ожидания адресата. Поэтому неудивительно, что «способов описания отклонений от нормы значительно больше, чем указаний на неё, что естественно, так как нормальное положение вещей часто не требует специальных обозначений, в то время как отклонение от нормы отмечается всегда» (Вольф 1987: 180).

Размышления над тем, как фрагменты окружающего мира или элементы высказываний связаны между собой, характерны преимущественно для ситуаций, когда эти связи неочевидны или по каким-то причинам оказываются нарушенными, намеренно или произвольно. В приведённом ниже комментарии объектом критики является именно семантическая аномальность словосочетания *вкусный момент* и трудность его интеграции в имеющуюся у автора высказывания систему знаний:

*А я ещё ненавижу, когда говорят: «Какой **вкусный момент** в этом фильме!» **Момент – он интересный, забавный,***

**смешной, прогательный, но не вкусный. А вкусный пирог.** ([http://mn.ru/society\\_edu/20130301/338774192.html](http://mn.ru/society_edu/20130301/338774192.html))

Данное металингвистическое рассуждение интересно в двух отношениях: во-первых, оно показывает, что носители языка обращают внимание на форму высказывания в том случае, если их ожидания оказываются нарушенными. Во-вторых, нетривиальное употребление языковых единиц может быть подвергнуто критике, например, если метафорический перенос или коллокация воспринимаются носителями языка как неудачные. Обратим внимание и на то, что ненормальность коллокации говорящий объясняет ее семантической нестыковкой (то есть, некогерентностью), но не нарушением языковой нормы.

В лингвистике сложилась традиция описания смысловой целостности текста в терминах *когезии* и *когерентности*. Сосуществование двух терминов отражает сложность явления, интуитивно понятного носителям языка, но вызывающего сложности при попытках научного объяснения «механизмов», обеспечивающих локальные и глобальные смысловые связи. Если внутритекстовые связи, которые принято описывать с помощью понятия *когезии*, моделировать легче, поскольку они имеют некоторые формальные показатели, то описание смысловой целостности текста, то есть когерентности, на глобальном уровне представляет немалую трудность для лингвистов. Основная проблема заключается в том, что когерентность не является свойством, присущим тексту «по умолчанию»; наоборот, установление смысловых связей между элементами высказывания или текста, текущей ситуацией и имеющимися знаниями о мире – это задача того, кто воспринимает и интерпретирует сказанное / написанное (Bublitz 2011). Важно, что умение устанавливать смысловые связи тесно связано с имеющимся у нас знанием о том, какое положение дел считается ожидаемым, нормальным.

Отступление от нормы или от ожидаемого, привычного употребления языковых единиц – одно из основных свойств дискурса в модусе *non bona fide*. Характерным примером является юмористическая и ироническая коммуникация: приращение дополнительных смыслов становится возможным именно благодаря тому, что говорящий использует языковые средства необычным, неожиданным образом. В следующем разделе статьи

рассматриваются некоторые способы намеренного нарушения смысловой целостности высказываний и текстов в модусе дискурса *non bona fide*.

## **2. Нетривиальные речевые действия говорящего как источник некогерентности**

Интерес к необычным способам использования языка в лингвистике не нов – достаточно упомянуть многочисленные работы, посвященные соотношению *нормы* и *аномалий* в языке (Апресян 1990, Арутюнова 1987, Булыгина 1997), а также исследования, посвященные проблеме нетривиального авторского стиля в художественном тексте (Кобозева 1990) и вопросу творческого использования языка в повседневной коммуникации (Veale 2012). Исследователи сходятся в том, что языковая система не только позволяет нарушать нормы и правила, но и «побуждает» носителей языка к разного рода нарушениям, ненамеренным или хорошо осознаваемым (Булыгина 1997).

По мнению В. Бублинца и У. Ленк, говорящий может нарушить смысловую целостность дискурса, отклоняясь от основной темы либо меняя её. Другие причины нарушения когерентности – нечеткая референция или её отсутствие, а также смена регистра общения (Vublitz 1999). Действительно, все перечисленные действия затрудняют, а в ряде случаев делают невозможным понимание сказанного. Однако данный список представляется неполным, поскольку установление отношений когерентности между элементами текста, ситуацией общения и имеющимися у участников дискурса знаниями зависит от способа интерпретации сказанного или написанного. Предложенные В. Бублинцем и У. Ленк причины нарушения когерентности описывают преимущественно модус дискурса *bona fide* и не учитывают случаев непрямой коммуникации, когда говорящий намеренно нарушает ожидания собеседника, имплицитно дополняя дополнительные смыслы. Намеренно создаваемая говорящим некогерентность высказывания или текста является семантической и когнитивной основой коммуникации в модусе *non bona fide* (Шилихина 2014).

Поскольку соотношение между означающим и означаемым языковых знаков является гибким, говорящий имеет возможность проверять языковую систему «на прочность», изменяя

соотношение формы и содержания знаков на любом языковом уровне. В лингвистической литературе эти процессы принято описывать в терминах языковой игры или творческого использования языка. Нас же в большей степени интересует не столько эстетический эффект, сколько сами способы нарушения смысловой целостности высказывания. Рассмотрим несколько случаев.

Примером нарушения не только формальной, но и смысловой целостности текста на орфографическом уровне является «олбанский язык», свойства и функции которого подробно описаны в работе (Кронгауз 2013). Существующие толкования наиболее распространенных выражений «олбанского» (например, *Аффтар выпей йаду* (русск. «автор, выпей яду») – выражение неудовольствия текстом) показывают, как намеренное нарушение норм правописания может передавать целый комплекс социальных смыслов. Эти смыслы эксплицируются в определениях некоторых выражений «олбанского», например:

*Аффтар жжот нипадецки* (русск. «автор жжёт не по-детски») – выражение восхищения текстом или иронического отношения к нему, в зависимости от контекста ([http://lurkmore.to/Язык\\_падонков](http://lurkmore.to/Язык_падонков)).

На морфологическом уровне в качестве сигнала нарушения смысловой целостности могут выступать окказиональные словоформы, внутренняя форма которых также передаёт имплицитную информацию:

*Поскольку возможность знакомства Онищенко с сочинениями Цицерона или Ламетри совершенно исключена, остается признать, что главный санитарный врач – философ. Материалист-гигиенолог. Или роспотребкартезианец? Или постсанитарист? Надо разобраться.*

Для наших дальнейших рассуждений важен не столько игровой эффект, на который многократно указывалось в лингвистической литературе, сколько то, что необычное сочетание морфологических средств позволяет говорящему соединять несовместимые понятийные области: философию и деятельность санитарного врача.

В следующем фрагменте примером нетривиального использования морфологических средств также является



окказионализм, однако образован он по достаточно продуктивной модели:

*В «Большом словаре русских поговорок» находим двадцать одну **слоносодержащую** фразеологическую единицу. Помимо глубины проникновения концепта «слон» в русскую душу, такое богатство лишний раз демонстрирует любовь русского народа к животным (Константин Андреев. Введение в суверенное языкознание. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/67120>).*

Почему окказионализмы в приведенных контекстах обращают на себя внимание? Дело здесь в том, что окказионализмы являются сигналом нетривиальной категоризации объектов: говорящие создают новые категории, для интеграции которых в имеющуюся систему знаний о мире требуются дополнительные когнитивные усилия.

Некогерентность может быть результатом необычной метафорической категоризации объекта. Сигналом нарушения смысловой целостности в таких случаях является специфический способ номинации:

***Надо как можно чаще проводить выборы мэра Москвы. Они превращают тыквы в кареты.** Исполняют мечты врачей, учителей и особенно автолюбителей. Причем за этим можно следить прямо по телевизору – 24 часа в сутки. Я посвятила этому четыре дня, которые предшествовали дню голосования.*

***Главная фея – это канал ТВЦ.** В пажлах-помощниках у него выступают Первый канал и «Россия». Во вторник, 3 сентября, вся **эта группа добрых волшебников** радовала меня открытием двух новых эстакад на Ярославке (Е. Рыковцева. «Собянин и телеволшебники» <http://www.svoboda.org/content/article/25100508.html>).*

Приведенный фрагмент представляет собой пример того, как с помощью объединения знаний, относящихся к двум понятийным областям, которые могут быть условно названы СКАЗКА и ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ. Динамическая когнитивная структура, которая возникает у адресата в процессе понимания текста, вынужденно совмещает свойства этих понятийных областей, однако эту структуру вряд ли можно считать полностью когерентной: в норме рациональное описание реальной ситуации не предполагает совмещения свойств волшебного и реального

миров, а описание некоторых реальных событий как сказочных, скорее, указывает на их неожиданность, необычность.

Еще один вариант намеренного нарушения смысловой целостности – некогерентность на уровне лексической сочетаемости – также связан с сознательным отступлением от канонов узуса. Говорящий нарушает ожидания адресата, намеренно используя нетривиальную коллокацию. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский определяют коллокации как «слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом (коллокатором) может быть задана в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова определен узусом» (Баранов 2013: 73). Выбор слова из другого семантического класса приводит к появлению метафор, но если в семантике базы и коллокатора нет общих семантических компонентов или некоторые семантические компоненты противоречат друг другу, метафорический перенос становится некогерентным, как в следующем примере:

*Нет, говорят, где-то есть другая жизнь. Настоящая, насыщенная, интересная жизнь. Где-то там люди более достойные посещают музеи. Театры. Вообще, осматривают достопримечательности. Вот это вот всё. С горки ледяной летят на санках с радостным хохотом. Или на лыжах. На этой. Такой. Одна большая лыжина. Как ее. Все слова пере забудешь с этими каникулами.*

*Сноуборд, конечно, сноуборд.*

*А ты **выныриваешь из салата, гребёшь в сторону телевизора** (И. Давыдов. Возвращение отдохнувшего попугая. URL: <http://lenta.ru/columns/2013/01/10/vegetable/>).*

Корпусный анализ сочетаемости глагола *выныривать* позволяет говорить о том, что ожидаемыми коллокатами глагола *выныривать* являются две группы существительных: в первую попадают названия жидкостей и газов (*выныривать из воды / из волны / из глубины / из дыма*), во вторую – абстрактные имена, называющие состояния (*выныривать из дремоты / из грехота / из темноты*). Эта вторая группа определяет

метафорическое употребление глагола *выныривать*<sup>1</sup>: *резко перестать находиться в определенном состоянии*. Ясно, что коллокация «*выныривать из салата*» – пример метафорического употребления, но в семантике существительного «салат» нет компонента «состояние». Искусственное «обогащение» коллокации компонентом «состояние» в приведенном контексте противоречит знанию о том, что представляет собой салат как кулинарное блюдо, и делает метафору семантически некогерентной.

Такие отступления от узуального употребления могут служить сигналами смены модуса дискурса, использоваться для создания художественных образов, а при наличии в высказывании элементов игры и имплицитной оценки по шкале «данное – должное» повышается вероятность иронической интерпретации сказанного / написанного (Шилихина 2014).

До сих пор мы рассматривали случаи намеренного нарушения смысловой целостности высказывания, языковые сигналы которого можно «локализовать» в высказывании (это различные отступления от нормы либо узуса). Однако нередко такие случаи, когда некогерентность может возникнуть в результате несоответствия высказывания имеющимся знаниям о мире. Хорошей иллюстрацией такой разновидности некогерентности является абсурдная ирония. Понимание абсурдности высказывания – «... это осознание отсутствия смысла там, где смысл должен быть» (Карасик 2003: 113). Все остальные нормы и конвенции узуального употребления языковых единиц в таких высказываниях или текстах могут быть соблюдены. Примером абсурдной иронии является контекст, в котором автор комментирует новость о неудачном запуске космического аппарата. Предложенное объяснение очевидным образом противоречит знанию о физических свойствах мира:

*Ну и какие могут быть вопросы? Ракета упёрлась в небесную твердь и дальше не полетела. Ох уж эти учёные. Лементарных вещей и не знают (интернет-коммуникация).*

---

<sup>1</sup> Заметим, что данная сочетаемость и метафорическое употребление глагола *выныривать* практически не описываются толковыми словарями русского языка.

---

Вопрос о том, как высказывания, подобные приведённым выше, могут быть рационально интерпретированы и «встроены» в имеющуюся у адресатов систему знаний о мире, тесно связан с более общей проблемой понимания неочевидных смыслов. Краткий обзор основных принципов моделирования процессов понимания смысла высказывания представлен в следующем разделе статьи.

### **3. Моделирование понимания высказываний: композиционный и комбинаторный подходы**

Существующие принципы моделирования понимания можно условно разделить на две группы. В основе первой группы лежит представление о понимании как об аналитическом процессе, суть которого заключается в выделении составных частей высказывания или текста и приписывании этим элементам некоторых инвариантных значений (Coulson 2006). Такие модели принято называть композиционными, они находят практическое применение в системах автоматической обработки естественного языка, однако их объяснительная сила оказывается ограниченной только сферой прямой коммуникации в модусе *bona fide*. Свидетельством «слабости» принципа композиционности в моделировании семантики высказывания являются весьма скромные успехи в разработке компьютерных систем понимания и порождения юмора. Основная проблема композиционных семантических моделей заключается в невозможности объяснить, каким образом участники дискурса понимают неочевидные смыслы. Кроме того, при композиционном подходе к семантике высказывания практически не учитывается то, как взаимодействуют языковое значение высказывания, контекст и система знаний о мире.

В исследованиях вербального юмора предпринималось несколько попыток объяснить, каким образом осуществляется понимание шуток, анекдотов, иронических высказываний. Одной из таких попыток является предложенная В. Раскиным *ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ВЕРБАЛЬНОГО ЮМОРА* (The General Theory of Verbal Humor). Понимание шуток моделируется как повторный анализ текста, вызванный тем, что *punch line* не вписывается в уже созданную ментальную репрезентацию текста. Необходимость повторного

анализа объясняется потребностью в замене скрипта (Raskin 1985).

К композициональным можно также отнести большинство моделей понимания юмора, основанных на разрешении несоответствий (*incongruity-resolution models*): понимание шуток и анекдотов представляется как линейный анализ высказывания с последующей заменой интерпретации *bona fide* на юмористическую (Attardo 1994, Attardo 2001).

Несмотря на то, что существующие модели понимания юмора и иронии по-прежнему исходят из идеи композициональности смысла высказывания, их можно считать важным этапом в развитии семантических идей: и Общая теория вербального юмора, и модели разрешения несоответствий учитывают роль контекста и имеющихся у участников дискурса знаний о мире и представлений о нормальном, ожидаемом ходе событий.

В качестве альтернативы идее композициональности выступает комбинаторный подход к пониманию смысла высказывания (Coulson 2006). Комбинаторная модель объясняет, каким образом носители языка интерпретируют как информационно значимые отступления от языковой нормы и канонов узуса – те самые уникальные события, которые обращают на себя внимание и нарушают привычный ход коммуникации.

Примером комбинаторной модели понимания высказывания является теория концептуальной интеграции, которая позволяет объяснять творческое использование языка. По мнению авторов теории, творчество, в том числе и создание новых текстов, основано на установлении связей между когнитивными областями, которые прежде не были связаны (Fauconnier 2002). Таким образом, в основе *комбинаторной модели* лежит идея о том, что понимание – это синтез смысла, причем для этого синтеза одинаково важными оказываются не только вербальная составляющая, но и контекст, и имеющиеся у коммуникантов знания о мире. Результат понимания в комбинаторных моделях представляется в виде порождаемой динамической когнитивной структуры, степень когерентности которой во многом зависит от трёх составляющих: собственно языковой формы высказывания, контекста и фоновых знаний коммуникантов.

Комбинаторный подход позволяет говорить о том, что далеко не все высказывания или тексты приводят к возникновению

семантически когерентных когнитивных структур. Объяснение того, каким образом адресат обнаруживает «нестыковки» в семантической структуре высказывания – проблема не менее интересная и по своей сложности сопоставима с описанием показателей семантической целостности. Несовместимость элементов текста не всегда препятствует его целостному восприятию; напротив, появление некогерентных элементов в непосредственной близости друг от друга может быть интерпретировано как сигнал наличия скрытых смыслов.

Важным компонентом композиционной модели является механизм разрешения некогерентности. Рационально интерпретировать некогерентное высказывание можно, только найдя новый способ «сцепки» смысловых компонентов. В качестве примера приведем следующий фрагмент:

*Очередное достижение Роскосмоса*

*Многочисленная **глубоководная группировка искусственных спутников Земли** сегодня пополнилась новым аппаратом. 1 февраля в 10.56 по московскому времени ракетой-носителем «Зенит-3SL» в экваториальную зону акватории Тихого океана **успешно погружен очередной спутник связи Intelsat-27.***

*На плавучей пусковой платформе «Одиссей» в честь данного события состоялся впечатляющий фейерверк, а в Центре управления полетами проведён ставший традиционным в таких случаях **банкет комиссии по расследованию катастрофы** (интернет-коммуникация).*

Сигналами некогерентности являются коллокации *глубоководная группировка искусственных спутников Земли и успешно погружён очередной спутник*: именно они нарушают ожидания читателя. Если интерпретировать данный текст по правилам дискурса *bona fide*, то перед нами – пример абсурдного текста, который противоречит знаниям о мире. Это противоречие может быть снято, если интерпретировать приведённый фрагмент по правилам дискурса *non bona fide*: автор намеренно совмещает элементы, относящиеся к непересекающимся понятийным областям (океан vs. космос). В результате текст описывает ситуацию, у которой нет коррелята в реальном мире. Очевидно, что автор исходит из того, что читатели текста знают, что в норме спутники должны летать в космосе, а не лежать на дне океана, а

неудачный запуск спутника не может сопровождаться банкетом. Именно эти знания помогают читателю понять, что целью такого «странного» описания является ироническая оценка реальной ситуации.

Приведем еще один пример, который иллюстрирует, как комбинирование знаний, связанных с непересекающимися понятийными областями, позволяет создавать некогерентные когнитивные структуры и интерпретировать их по правилам дискурса *non bona fide*.

*Каждый раз, когда я вижу милицейский автомобиль, который вместе с другими автомобилями стоит перед красным сигналом светофора, меня не оставляет ощущение, что эта машина украдена. Я не верю, что обычный отечественный милиционер в ясном уме и твердой памяти по доброй воле согласится стоять вместе со всеми в очереди, вместо того чтобы проехать на красный, развернуться через двойную сплошную или припарковаться в третьем от бордюра ряду. Поэтому предлагаю: выявить всех милиционеров, останавливающих на красный сигнал светофора, произвести их в генералы и поручить этим генералам подбор офицеров низшего звена ([http://esquire.ru/ed\\_letter-53](http://esquire.ru/ed_letter-53)).*

Понимание приведённого фрагмента текста требует привлечения знаний из нескольких понятийных областей, которые можно условно назвать «соблюдение закона», «нарушение закона» и «работа российской милиции». Ожидаемым (в соответствии с имеющимся в обществе представлением о том, «как должно быть») было бы объединение понятийных областей «соблюдение закона» и «работа российской милиции». Однако в результате прочтения текста понятийная область «работа российской милиции» объединяется с «нарушением закона». Таким образом, текст становится источником новой когнитивной структуры, которая содержит противоречие между описываемой ситуацией и ожидаемым положением дел. Некогерентность порожденной при понимании данного текста когнитивной структуры – это результат объединения понятийных областей, которые в норме не имеют общих семантических компонентов, а по ряду свойств оказываются не только несовместимыми, но и противопоставляются друг другу.

Переключение в модус *non bona fide* – это второй этап интерпретации семантически некогерентного текста. В приведенном фрагменте некогерентность текста разрешается путем «добавления» имплицированного смысла: абсурдное предложение автора показывает расхождение между реальной ситуацией и тем, «как должно быть». Чтобы «добавить» иронический смысл, читателю необходимо привлечь знания о внешнем мире (точнее, знание о социальной норме), а также знание о текущем положении дел (о регулярном нарушении этой нормы). Интерпретируя текст как ироничный, адресат находит рациональное объяснение абсурдному представлению ситуации.

### **Заключение**

Моделирование понимания различных видов непрямой коммуникации тесно связано с представлениями о том, как носители языка используют знания об окружающем мире, как структурируют информацию в процессе коммуникации. Умение распознавать нарушения смысловой целостности в структуре дискурса говорит в пользу того, что понимание – это комбинаторный процесс. Смысл высказывания «собирается» из различных компонентов: собственно языковых, контекстуальных и имеющихся у участников дискурса знаний о мире и представлений о нормальном ходе событий.

### **ЛИТЕРАТУРА**

Апресян, Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю.Д. Апресян // *Res Philologica. Филологические исследования* / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Москва, Ленинград: Наука, 1990. – С. 50-71.

Арутюнова, Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н.Д. Арутюнова // *Вопросы языкознания*. – 1987. – №3. – С. 3-19.

Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

Баранов, А.М. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва: Флинта: Наука, 2013. – 312 с.

Вольф, Е. М. Оценка и «странность» как виды модальности / Е.М. Вольф // *Язык и логическая теория*. – Москва: Наука, 1987. – С. 178-186.

Карасик, В.И. Типы абсурда / В.И. Карасик // *Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении*. – Волгоград: Перемена, 2003. – С.112-126.



Кобозева, И. М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – Москва: Наука, 1990. – С. 125–138.

Кобозева, И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И. М. Кобозева // Язык о языке: Сб. статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 303–359.

Кронгауз, М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. – Москва: АСТ: Corpus, 2013. – 440 с.

Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. – Москва: Азбуковник, 2010. – 584 с.

Лотман, Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн: TLU Press, 2010. – 232 с.

Шилихина, К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 304 с.

Attardo, S. Linguistic Theories of Humor / S. Attardo. – Hawthorne, New York: Mouton de Gruyter, 1994. – 426 p.

Attardo, S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis / S. Attardo. – Berlin: Walter de Gruyter, 2001. – 238 p.

Bublitz, W. Disturbed Coherence: 'Fill me in' / W. Bublitz, U. Lenk // Coherence in Spoken and Written Discourse: How to create it and / Ed. by W. Bublitz, U. Lenk and E. Ventola. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 153–174.

Bublitz, W. Coherence and Cohesion // Discursive Pragmatics / Ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman & J. Verschueren. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2011. – P. 37–49.

Coulson, S. Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction / S. Coulson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.

Du Bois, J. Competing Motivations / J. Du Bois // Iconicity in Syntax / Ed. by J. Haiman. – Amsterdam: John Benjamins, 1985. – P. 343–365.

Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.

Goldberg, A. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar / A. Goldberg. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 265 p.

Hurley, M. Inside Jokes: Using Humor to Reverse-engineer the Mind / M. Hurley, D. Dennett, R. Adams. – Cambridge, MA: MIT Press, 2011. – 359 p.

Newmeyer, F. Grammar is grammar and usage is usage / F. Newmeyer // Language. – 2003. – Vol. 79, No. 4. – P. 682–707.

Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor / V. Raskin. – Dordrecht: Kluwer, 1985. – 308 p.

Veale, T. *Exploding the Creativity Myth: The Computational Foundations of Linguistic Creativity* / T. Veale. – New York: Bloomsbury Academic, 2012. – 224 p.

## REFERENCES

Apresyan, Y.D. (1990). Jazykovye anomalii: tipy i funktsii [Linguistic Anomalies: Types and Functions]. In D.S. Likhachev (Ed.). *Res Philologica. Filologicheskije issledovanija* [Res. Philologica. Philological Studies] (pp.50-71). Moscow, Leningrad: Nauka.

Arutiunova, N.D. (1987). Anomalii i jazyk (k probleme jazykovoj kartiny mira) [Anomalies and Language. The Problem of Linguistic “Worldview”]. In *Voprosy Jazykoznanija*, №3, 3-19.

Attardo, S. (1994). *Linguistic Theories of Humor*. Hawthorne, New York: Mouton de Gruyter.

Attardo, S. (2001). *Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis*. Berlin: Walter de Gruyter.

Baranov, A.N., Dobrovol'skij, D.O. (2013). *Osnovy frazeologii* [Introductory Phraseology]. Moscow: Flinta: Nauka.

Bublitz, W., Lenk U. (1999). Disturbed Coherence: ‘Fill me in’. In W. Bublitz, U. Lenk and E. Ventola (Eds.), *Coherence in Spoken and Written Discourse* (pp.153-174). Amsterdam: John Benjamins.

Bublitz, W. (2011). Coherence and Cohesion. In J. Zienkowski, J.-O. Östman and J. Verschueren (Eds.), *Discursive Pragmatics* (pp.37-49). Amsterdam: John Benjamins, 2011.

Bulygina, T.V., Shmelev, A.D. (1997). *Jazykovaja kontseptualizatsija mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow: Jazyki russkoj kultury.

Coulson, S. (2006). *Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Du Bois, J. (1985). Competing Motivations. In J. Haiman (Ed.), *Iconicity in Syntax* (pp.343-365). Amsterdam: John Benjamins.

Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.

Goldberg, A. (2006). *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford: Oxford University Press.

Hurley, M.M., Dennett, D.C., & Adams, R.B. (2011). *Inside jokes: Using humor to reverse-engineer the mind*. MIT Press.

Karasik, V.I. (2003). Tipy absurda [Types of Absurd]. In *Aksiologicheskaja lingvistika: igrovoe i komicheskoe v obshchenii* [Axiological Linguistics: Play and Comic in Communication] (pp.112-126). Volgograd: Peremena.

Kobozeva, I.M., Laufer N.I. (1990). Jazykovye anomalii v proze A. Platonova cherez prizmu verbalizatsii [Linguistic Anomalies in A. Platonov's Prose through the Prism of Verbalization]. In *Logicheskij analiz jazyka*.

*Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical Analysis of Language. (pp.125-138). Moscow: Nauka.

Kobozeva, I.M. (2000). Dve ipostasi sodержaniya rechi: znachenije i smysl [Two Guises of Speech Content: Meaning and Sense]. In N.D. Arutiunova (Ed.), *Jazyk o jazyke* [Language about Language] (pp.303-359). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.

Krongauz, M.A. (2013). *Samouchitel' Olbanskogo* [Self-study Guide of Albanian]. Moscow: AST: Corpus.

*Lingvistika konstruksij* (2010). [Construction Linguistics] / Ed. by E.V. Rakhinlina. Moscow: Azbukovnik.

Lotman, Y. (2010). *Nepredskazuemyje mekhanizmy kultury* [Unpredictable Mechanisms of Culture]. Tallinn: TLU Press.

Newmeyer, F. (2003). Grammar is grammar and usage is usage. In *Language*, Vol.79, No.4, pp. 682-707.

Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Kluwer.

Shilikhina, K. (2014). *Semantika i pragmatika verbal'noj ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony]. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS.

Veale, T. (2012). *Exploding the Creativity Myth: The computational foundations of linguistic creativity*. New York: Bloomsbury Academic.

Volf, E.M. (1987). Otsenka i "strannost" kak vidy modalnosti [Evaluation and "Oddity" as Types of Modality]. In *Jazyk i logicheskaja teorija* [Language and Theory of Logic] (pp.178-186). Moscow: Nauka.

Ксения Михайловна Шилихина  
Воронежский государственный университет  
пл. Ленина 10-15, Воронеж  
394006, Россия  
shilikhina@gmail.com

Ksenia M. Shilikhina  
Voronezh State University  
pl. Lenina 10-15, Voronezh  
394006, Russian Federation  
phone: +7 (473) 220 41 49